

Slavic Alphabets and Identities

Sebastian Kempgen, Vittorio Springfield Tomelleri (eds.)

University
of Bamberg
Press

19 Bamberger Beiträge zur Linguistik

Bamberger Beiträge zur Linguistik

hg. von Sebastian Kempgen, Thomas Becker (†),
Martin Haase, Geoffrey Haig, Manfred Krug und
Patrizia Noel Aziz Hanna

Band 19

University
of Bamberg
Press

2019

Slavic Alphabets and Identities

Sebastian Kempgen, Vittorio Springfield Tomelleri (eds.)

Bibliographische Information der Deutschen Nationalbibliothek

Die Deutsche Nationalbibliothek verzeichnet diese Publikation in der Deutschen Nationalbibliographie; detaillierte bibliographische Informationen sind im Internet über <http://dnb.d-nb.de/> abrufbar.

Dieses Werk ist als freie Onlineversion über den Publikationsserver (OPUS; <http://www.opus-bayern.de/uni-bamberg/>) der Universität Bamberg erreichbar. Das Werk – ausgenommen Cover, Zitate und Abbildungen – steht unter der CC-Lizenz CC BY-NC-ND.

Lizenzvertrag: Creative Commons Namensnennung - Nicht Kommerziell - Keine Bearbeitung 2.0

<https://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/2.0/de/>

Herstellung und Druck: docupoint Magdeburg

Umschlaggestaltung: University of Bamberg Press, Larissa Günther

Umschlagbild: S. Kempgen

© University of Bamberg Press Bamberg, 2019

<http://www.uni-bamberg.de/ubp/>

ISSN: 2190-3298

ISBN: 978-3-86309-617-5 (Druckausgabe)

eISBN: 978-3-86309-618-2 (Online-Ausgabe)

URN: urn:nbn:de:bvb:473-opus4-541071

DOI: <http://dx.doi.org/10.20378/irbo-54107>

Contents

Introduction	vii
List of contributors	xi
Per Ambrosiani, <i>Slavic alphabets and languages in publications by the Propaganda Fide during the 17th and 18th centuries</i>	1
Daniel Bunčić, <i>Konfessionen und ihr Schriftgebrauch in Bosnien-Herzegovina</i>	29
Sebastian Kempgen, „Го чувам своето“ – <i>Spuren einer makedonischen Schriftkampagne</i>	55
Holger Kuße, <i>Slavische Schriften. Dokumentation einer Ausstellung</i>	77
Roland Marti, <i>Das Volk des (geschriebenen) Wortes? Die slavischen Schriften und ihre nichtlinguistischen Aspekte</i>	95
Anna-Maria Meyer, <i>The creation of orthographies for Romani by means of ‘Slavic’ alphabets</i>	129
Achim Rabus, <i>Zweischriftigkeit bei den Karpatorussinen</i>	161
Ljiljana Reinkowski, <i>Zwischen Philologie und Ideologie: Die kyrillische Schrift im heutigen Kroatien</i>	195
Елена Руденко, <i>Восточнославянские латинографичные тексты Великого княжества Литовского</i>	221

Contents

Vittorio S. Tomelleri, Г. А. Джагуров: <i>Новая осетинская графика на латинской основе. Наборное переиздание текста</i>	255
Katharina Tyran, <i>Deutungen kroatischer Schriftkultur: Schreibsysteme als nationale und kulturelle Symbole</i>	283

Витторио С. Томеллери

Г. А. Дзагуров: Новая осетинская графика на латинской основе. Наборное переиздание текста

Abstract

Notwithstanding its short duration (1923–1938), the new Ossetic alphabet, based on Roman letters, without any doubt deserves to receive more attention in the history of the Soviet language policy. The latinisation campaign was carried on, at the beginning of the '20, in Turkic speaking Azerbaijan and in the linguistically not homogeneous North Caucasus. In the case of Azerbaijan and its sister languages the choice of the Latin alphabet was perceived and presented as a strong ideological weapon against the Arabic tradition and towards the internationalisation of the October revolution. Ossetian, on the other hand, which had been using a Cyrillic-based alphabet since 1844, became at the same time the terrain of a culturally and ideologically not less relevant latinisation experiment, in which the discussion about the alphabet reform did not involve religious matters, but rather the identitarian and cultural question as reflected in the choice of the script. A “post eventum” account of the debates between the supporters of the Cyrillic script and the proponents of the new alphabet was provided by the cultural activist Grigoriy Alekseyevich Dzagurov in a short essay, here briefly introduced and reprinted.

Keywords: Soviet Union, language planning, Ossetian, Latin script, Cyrillic script, G. A. Dzagurov

«Национальная политика советской власти, открывшая этим народам широкую дорогу к свободному политическому и культурному развитию образованием автономных национальных республик и областей и социалистическое хозяйственное строительство, создавшие условия для развития национального пролетариата из среды этих народов, впервые кладут прочную основу развитию письменности на родных языках. Эта письменность с самого начала развивается в пределах Северного Кавказа на латинском алфавите» (Яковлев 1934: 105)

I. Введение*

1.1. Во время борьбы с неграмотностью, проводившейся большевиками сразу после октябрьского переворота 1917-го г., особенно выделяется, в рамках очень оригинально и успешно осуществлявшейся политики языкового и культурного строительства (Carrère d'Encausse 1978: 169, Adler 1980: 171)¹, процесс разработки новых алфавитов как для бесписьменных языков, так и для народов бывшей царской империи с прерывистой письменностью. Декларация прав народов России предусматривала, между прочим, «свободное развитие национальных меньшинств и этнографических групп, населяющих территорию России» (Дешериев 1958: 6). Рост национального самосознания народов отражался в интенсивном процессе разработки письменности и норм литературных языков; создание алфавитов обозначало официальное признание права на существование данного языка и, через язык, говорящей на нем народности или этнической группы (Grenoble 2003: 20). Как неоднократно подчеркивала советская социалингвистическая школа,

[н]е зря национально-освободительные движения всегда связаны и с языковой проблемой. После их победы обычно восстанавливаются права национальных языков восставших народов. Это и понятно, так как свободу народа нельзя мыслить без свободы пользоваться родным языком (Исаев 1982: 19).

При составлении новых графических систем окончательный выбор пал, по соображениям как идеологического, так и тактического характера, на латинский шрифт, так что обычно этот длительный, сложный и разнообразно обусловленный путь создания алфавитов на латинской основе обобщается под названием «латинизация»² и упрощенно представляется как объединен-

* Автор выражает искреннюю благодарность Диане В. Сокаевой (Владикавказ) и Дмитрию Новохатскому (Мачерата) за активное участие в обсуждении статьи.

¹ Противоположной точки зрения при оценке советского языкового строительства придерживаются Mouskhély (1957), Bruchis (1982), Smith (1999) и др.; подробнее об этом см. Шелестюк (2014).

² См. на пример Imart (1965: 223): «Dans son acception la plus large, ce terme désigne l'ensemble des mesures prises de 1917 à 1934 environ dans la domaine linguistique et culturel pour assurer, à l'échelle interfédérale, un essor de ces langues, ap-

ный и гомогенный результат советского языкового строительства и воплощения ленинской национальной политики (Хансуваров 1932³, Şişcanu 2011). На самом деле перевод на латиницу следует рассматривать в качестве постепенного центростремительного развития отдельных и частично самостоятельных начал, достигшего вершины своего успеха и официального признания во время Первого Всесоюзного Тюркологического съезда, который проходил в Баку с 26-го февраля по 6-марта 1926 г. (ПВТС 1926; см. также Menzel 1927, Baldauf 1993: 387–457 и уникальные кадры кинохроники <https://www.youtube.com/watch?v=6iTDyjSdULw>, 10.03.2018). Работой над проектом латинизации руководил тогда же созданный Всесоюзный Центральный Комитет Нового Тюркского Алфавита. Как явствует из первоначального названия комитета, затем преобразовавшегося в Всесоюзный Центральный Комитет Нового Алфавита, вопрос о латинизации письменностей поднимался и обсуждался прежде всего для тюркских языков, более значимых по численности говорящих на них людей, несмотря на не совсем известный в литературе факт, что пионерами латинизации «являлись среди других и горцы Северного Кавказа» (Хаджиев 1930: 9; об истории письменности кавказских языков см. Hewitt 2004: 252–282).

Культурные и языковые строители неоднократно настаивали на интернациональном и более нейтральном характере латинской графики, противопоставляя ее не только арабскому (Winner 1952: 134), но и русскому алфавиту:

Латинская основа выбрана, как интернациональный алфавит, педагогически наиболее выдержанный, как наиболее красивый и четкий, и отвлеченный, ибо эпоха недоброй памяти русского колонизаторства оставила такую ненависть в народах к руссификации и их орудию – миссионерскому русскому алфавиту, что о приятии его не может быть и речи (Алиев 1926: 85; см. также Яковлев 1926б: 27).

pelées à devenir langues de civilisation et, en tant que telles, à jouer un rôle de tout premier plan dans la campagne de promotion culturelle des peuples minoritaires des marches russes».

³ Эта брошюра вызывала критические отзывы современников (см. напр. Орлицкий 1934). Георгий Петрович Сердюченко упрекал ее автор в том, что он, касаясь дореволюционного времени, «упустил отдельные, хотя бы академические, попытки построения латинизированных алфавитов для кавказских народностей» (Сердюченко 1933: 212).

Кроме этого, на первом этапе латинизации письменностей латинский шрифт исполнял функцию мощного антирелигиозного орудия при замене «допотопной формы графики» (Алиев 1926: 75), т.е. арабского шрифта (Гранде 1932: 160, Wixman 1980: 146–147)⁴, тогда как свежая ассоциация кириллицы с миссионерско-колонизаторской и ассимиляторско-обрусительной политикой русского правительства (Яковлев 1934: 105; см. об этом также Такоева 1936 и Мусаев 1965: 6) делала «русский алфавит», как тогда называли кириллицу, малопригодным для этой цели (Martin 1998: 103 = 2001: 197); употребление русской графики для создания новых письменностей легко могли «истолковать как рецидив русификаторской политики царизма» (Исаев 2002: 108; см. также Bruche-Schulz 1984: 55 и Алпатов 1993: 119). Латинский шрифт, напротив, считался международным алфавитом, способствующим успешному построению нового общества и, одновременно, повышению каждого отдельного языка и каждой народности на уровень мировой культуры и просвещения:

[...] латинские знаки не только знаки науки и техники. Они усвоены общей письменностью всех культурных народностей. Принимая латинский алфавит, мы получаем возможность пользоваться плодами интернациональной культуры, чем мы приблизимся к пролетарско-крестьянскому интернационалу (Навширванов 1924: 44; см. также Weinreich 1953: 47 и Tomelleri 2016a: 314).

Известный языковед Евгений Дмитриевич Поливанов спустя два года заявлял, что

[д]латинский алфавит, или даже латинская основа алфавита, означают для наших национальных письменностей не более, не менее, как интернациональную систему графики, систему, рассчитанную, во-первых, на взаимное сближение национальных культур внутри Союза, и, во-вторых, на сближение приемов графического общения в международном масштабе (Поливанов 1928: 315).

⁴ См. например слова выше упомянутого Г. П. Сердюченко: «Арабский алфавит служил тормозом в развитии культуры народов б. царской России. В его сохранении были крепко заинтересованы духовенство, буржуазные и помещичьи элементы» (Сердюченко 1933: 211). В журнале «Просвещение национальностей» за 1930 г., нр. 9–10, стр. 70 писалось, что «[п]ринять новый алфавит – значит разорвать всю черную паутину изуверного фанатизма, которая тянулась из старой, исламской литературы, монополистами которой было духовенство» (цит. по Алпатов 2000: 69).

Латинизация, таким образом, представляла собой «шаг к интернационализации во всех областях жизни, это средство распространения идей мировой революции» (Дуличенко 2009: 123; см. также Şişcanı 2011: 104), разбивающее «стену между европейской и мусульманской культурой», создающее «сближение между Западом и Востоком» (Микоян 1926: 15) и обеспечивающее убыстрение темпа выполнения поставленных задач:

Латинский алфавит, как высшее достижение европейской техники в области письменности, переработанный и приспособленный к условиям социалистического строительства, стал орудием массовой грамотности. Несомненно, что всякие другие формы алфавитов – арабский ли – или миссионерско-русский, – значительно затруднили и замедлили бы развитие массового народного образования трудящихся сравнительно с теми успехами каких добилась национальная письменность на латинизированном // алфавите (Яковлев 1934: 113–114).

Создание письменности ставило себе целью быстрое приобщение «ранее отсталых народностей к современной передовой социалистической культуре, к достижениям науки, техники, искусства, к овладению сокровищницей человеческих знаний» (Дешериев 1959: 7)⁵. Следует при этом отметить, что при политических неурядицах, следующих за распадом российской империи, имелся, до установления центральной власти, любопытный пример якутского алфавита (Imart 1965: 228), созданного Семеном Андреевичем Новгородовым (1892–1924) на основе международной фонетической транскрипции (Донской 1932: 37–41; см. также Томеллери 2015: 165). Другой пример латинизации, никак не связанной с новой культурно-политической ситуацией, это так называемый аналитический алфавит, который придумал академик Николай Яковлевич Марр (1864/65–1934) в конце XIX-го века для транскрипции армянского и грузинского языков (Tomelleri 2016b, Томеллери 2017).

⁵ Резолюция X-го Съезда Российской Коммунистической Партии (большевики) указала на потребность «[и]омочь трудовым массам отсталых народов догнать более передовые нации, развить и укрепить у них советскую государственность в формах, соответствующих их национально-бытовым условиям; развить и укрепить у них на родном языке суд, администрацию, органы власти; развить у них прессу, школы, театры и т. д.» (Хаджиев 1930: 7).

1.2. Все выше приведенные аспекты не играли существенной роли в случае осетинского языка, являющегося предметом настоящей статьи. По определению советских лингвистов того времени, осетинский язык относился к т.наз. младописьменным языкам⁶, так как общенародная письменность на нем «появилась в первые годы после революции» (Галазов & Исаев 1987: 84:). Не принимая во внимание первые чрезвычайно интересные, но практически оставшиеся без следов попытки создать осетинскую письменность на базе церковнославянского (архимандрит Гай-оз)⁷ и древнегрузинского шрифтов (Иван Ялгузидзе)⁸, напомним лишь о том, что со времени появления первой научной грамматики осетинского языка, написанной академиком Андреем Михайловичем Шегреном на немецком и русском языках (Sjögren 1844, Шегрен 1844), существовали «начатки письменности на родном языке» (Яковлев 1934: 105) и был в употреблении как в науке, так и на практике, осетинский алфавит, построенный на основе русского гражданского шрифта (Тедеев 1928: 102, Яковлев 1932: 31), чей единственный недостаток состоял «в сложности начертания аффрикатов, чуждых русскому языку, но встречающихся во всех кавказских языках» (К вопросу 1888/1993: 101); им пользовался, между прочими, великий народный поэт Коста Хетагуров, основоположник осетинского литературного языка

⁶ Младописьменными считаются те языки, которые приобрели литературный статус лишь в советское время (Солнцев & Михальченко 2000: xvii). Определение этого термина дает, между прочими, Ю. Д. Дешериев: «[...] языки с общенародной письменностью, на которых впервые в советскую эпоху появились национальная школа, массовая художественная, общественно-политическая литература, национальный театр, делопроизводство в государственных учреждениях. К ним могут быть отнесены и языки, на которых делались попытки создать письменность в XVIII и XIX веках, а также языки, имевшие какие-то зачатки письменности на любой графической основе еще в XIX веке» (Дешериев 1958: 3, прим. 1). Вопрос о том, правомерно ли считать осетинский язык младописьменным, довольно спорен; это, однако, несущественно для настоящего изложения.

⁷ О первой осетинской печатной книге см. Тотоев (1957: 144–146); ее язык подвергает анализу Козырева (1974).

⁸ О его биографии и переводах см. Achwlediani (1926) = Ахвледиани (1960), Бочоридзе (1936), Гуткаев (1955), Гуткаев (1957), Тотоев (1962: 24), Шанидзе (1964), Тедеева (1965), Тедеева (1985), Валиева (2014).

(Исаев 1969: 118)⁹. Исходя из марксистско-ленинских позиций исследователи обычно отмечали, что до второй половины XIX-го столетия не было ни осетинской литературы в прямом смысле слова ни литературного языка (Абаев 1969: 68), так как издавались в основном тексты духовного содержания (Бекоев 1925: 16) и эта недавняя «письменность не была массовой» (Мусаев 1975: 244). Согласно явно пропагандистской интерпретации советских ученых расширение функций осетинского языка шло «по линии печатной и устной пропаганды политических и научных знаний, популяризации социалистического быта, борьбы с пережитками прошлого, в области развития национальной литературы и национального искусства» (Дешериев 1969: 35). Несмотря на дореволюционное существование и относительное распространение осетинской письменности на русской основе, переход осетин с кириллицы на латинский был относительно легок (Яковлев 1926а: 217)¹⁰.

1.3. В своей речи на Съезде народов Терской области, состоявшемся во Владикавказе 17 ноября 1920 г., Иосиф Виссарионович Сталин указывал на необходимость повысить уровень культуры отсталых народов Северного Кавказа:

Основное зло, которое угнетало горцев всю жизнь – это их отсталость и невежество. Только искоренение этого зла, только широкое просвещение масс может спасти горцев от вымирания, может приобщить их к высшей культуре. Вот почему в своей автономной республике горцы должны начать, прежде всего, с устройства школ и культурно-просветительских учреждений (Сталин 1947: 405).

⁹ Историю возникновения и развития осетинской письменности прослеживают Цаголов (1915/1993), Баев (б. г./1993), Бекоев (1925), Алборов (1929), Ælborty (1929), Бигулаев (1952), Тотоев (1957), Галазов & Исаев (1987: 69–84), Исаев (2000: 357 и 367–368), Боцуаты (2006), Камболов (2006: 389–396), Tomelleri (2015).

¹⁰ П. Тедеев, напротив, упоминает о том, что в разных научных учреждениях Северной и Южной Осетии сохраняются документы, согласно которым «вопрос о новой осетинской графике возник тотчас-же по водворении соввласти в Осетии и дебатировался горячо и очень много раз» (Тедеев 1928: 103), добавляя, однако, что «при ее введении не было никаких эксцессов, протестов и проч.» (там же, стр. 106).

По решению Наркомпроса Горской республики¹¹ латинский алфавит был введен в 1923 г.:

Латинская основа письменности для горских народов была утверждена постановлением Совещания по вопросам просвещения горцев в июле 1923 г. в Пятигорске, снова была обсуждена и подтверждена постановлением II Краевой Конференции по вопросам культуры и просвещения горских народов Сев.-Кав[.] Края 1925 года (Хаджиев 1930: 8; см. также Яковлев 1932: 31, Козырева 1957: 278, Исаев 1969: 130).

24 августа 1922 года, по декрету Центрального Исполнительного Комитета Горской Республики о введении латинской графики для народностей ГССР, подписанному председателем ЦИК ГССР Идрисом Бейсултановичем Зязиковым 24 августа 1922 г., было принято следующее решение:

Ввести во все школы, обслуживающие горские народности – осетин, чеченцев и ингушей, азбуку родного языка. В основу (алфавита) азбуки для каждой из вышеуказанных народностей взять графику, построенную на латинской основе, согласно проекту научно-методического Совета Наркомпроса РСФСР. Возложить на Наркомпрос ГССР организацию Горской типографии с метографией и цинкографией (КССО 1974: 70).

За несколько лет до этого в Горской Республике началась бурная работа по обучению новому алфавиту:

В соответствии с этим еще в 1920 году в гор. Владикавказе, в центре горской республики, были учреждены курсы для представителей разных национальностей по обучению их новому латинизированному алфавиту. В 1922 году по постановлению Коллегии Наркомнаца при нем была образована специальная комиссия в составе тт. Гусейнова, Дутея Джабиева и Умара Алиева по вопросу о создании национальной письменности на латинской основе. В то же самое время и в Азербайджане была создана под председательством тов. Агамалы-Оглы особая комиссия при Азербайджанском ЦИК'е по латинизации письменности в Азербайджанской ССР» (Алиев 1930: 22).

¹¹ Горская Автономная Советская Социалистическая Республика (ГАСССР) была образована 17 ноября 1920 г. и просуществовала, с 20 января 1921 уже в составе Российской Советской Федеративной Социалистической Республики, до 7 ноября 1924 (Бугай 1989: 51, 65).

Осетинский алфавит на латинской основе, состоявший из 29 знаков (без двойных букв), занимал количественно довольно низкую позицию, так как число графических знаков колебалось от 24 букв ижорского и китайского алфавитов до 51 абхазского (Яковлев 1936: 29–30).

1.4. Говоря о латинизации осетинского языка, необходимо подчеркнуть следующие моменты, как на региональном, так и на более широком уровне:

- 1) «спонтанный» характер алфавитной реформы (Martin 2001: 185), ведущейся независимо от тюркского (азербайджанского) образца и одновременно с ним (Алиев 1930: 23, Яковлев 1932: 31) или даже ранее его (Хаджиев 1930: 7, ЯПН 1933: 48 – выступление Умара Алиева)¹²;
- 2) в отличие от других горских народов Северного Кавказа, у осетин уже была письменность (Хаджиев 1930: 6), правда, очень тесно, но не исключительно, связанная с религиозной традицией;
- 3) следовательно, неизбежный порыв со старой культурой не сравним с ситуацией тюркских языков;
- 4) аргумент о преимуществе и технических превосходствах латинского алфавита над арабским нельзя было привести в случае противопоставления латиницы кириллице.

Однако, когда был поставлен на повестку дня вопрос о новой осетинской графике, тесная связь кириллической азбуки с осетинской письменной традицией¹³, как и благосклонное отношение, или большая тяга, осетин к русскому народу и русской культуре (Kolarz 1952: 191), вызвали ожесточенные споры и страстные прения.

¹² В резолюции VI-го Пленума ВЦК НА по отчетному докладу Северо-Кавказского Комитета НА указывается на то обстоятельство, что «[...] Северный Кавказ явился одной из первых в Советском Союзе национальных территорий, взявших на себя инициативу латинизации своей письменности (начиная с 1920 года), а также одной из первых в Союзе территорий полностью перешедшей на новый алфавит и окончательно ликвидировавшей всякую письменность на старой арабской основе (1928 год)» (Хаджиев 1930: 19). В Азербайджане, однако, уже с 1921-го г. в газете «Тюркский коммунист» начали появляться статьи, агитирующие в пользу латинского алфавита (Хансуваров 1932: 12).

¹³ Об этом обстоятельстве свидетельствует название третьей главы из книги Галазова & Исаева (1987): «Русская культура и осетинская письменность».

1.5. Основные пункты оживленной дискуссии между сторонниками русской основы алфавита и приверженцами латинского шрифта вращались, главным образом, вокруг аспектов идеологического или практического характера, в то время как лингвистические соображения, т.е. вопрос о «рациональности той или другой графики, ее удобстве или неудобстве для данного языка» (Алпатов 2000: 61) отходили, естественно, на второй план:

Вопрос этот был решен не сразу, так как прежняя, русская основа алфавита имела своих сторонников. Они выдвигали следующие доводы, говорившие в пользу русской графики: 1) в русском языке имеется больше звуков, а в алфавите – больше букв, и ими легче выразить звуки осетинского языка; 2) переход к латинской графике будет препятствовать усвоению в школах русского языка и русской культуры вообще; 3) неизвестно, как этот вопрос решится у других горцев.

Сторонники латинского алфавита, в свою очередь, выставляли также целый ряд доводов: 1) латинскую графику необходимо принять «по мотивам неизбежности», так как к этому должно прийти все человечество; 2) принятие латинской графики «не означает отказа от русской культуры и др. (Исаев 1969: 130, сокр. по ниже наборно воспроизведенной брошюре Г. А. Дзагурова 1923-го г.).

Следует при этом отметить, что дискуссии о замене осетинской азбуки грузинским или латинским алфавитом велись уже в конце XIX-го столетия (ОП 1993: 178¹⁴; см. также ЧИБИРОВ 2016: 398).

2. Об авторе

2.1. Григорий Алексеевич Дзагуров (1888–1979) является чрезвычайно важной личностью в культурной истории Осетии, много проделавшей «в деле подготовки первых филологических кадров и организации научной работы в Осетии» (Исаев 1959: 466). Уже на школьной скамье, перед поступлением в Харьковский университет, он уважительно относился к сокровищу родного

¹⁴ Неизвестный автор в примечании ссылается на фельетон г.-на Ласина (1895) и на письмо в редакцию г.-на Микалы (1895; об этих статьях см. ПП 1982: 74). О безуспешной попытке введения в Северную Осетию латинской графики, созданной в 1882 году, сообщает Мугуев (1936: 47).

фольклора, считая его «долгом служения родному народу» (Дзагуров 1973: 9).

Видный культурный деятель Осетии, Г. А. Дзагуров входил в редколлегию «Известий Осетинского института краеведения»¹⁵ и публиковал ряд трудов по вопросам осетинского языка и литературы. Наряду с интенсивной работой над записыванием и собранием произведений народного творчества, он увлекался яфетической теорией Николая Яковлевича Марра в связи с этногенезом осетинского народа: в 1923-м году он выступил с докладом под названием «Яфетическая теория акад. Марра и вопрос о происхождении осетин» (Гуриев 1987: 8, Камболов 2006: 242, прим. 4). Много интересных и ценных биографических сведений о нем содержит написанное им же предисловие к сборнику осетинских сказок, опубликованному в 1973-м году (Дзагуров 1973: 6–14).

2.2. В переходе осетин на латинскую графику принимало активное участие основанное в 1919-м г. «Осетинское историко-филологическое общество» (Бесолова 2011: 73–74)¹⁶, призванное изучать жизнь осетин:

Это было первое научное общество среди горских народов Северного Кавказа; по его примеру подобные общества потом были организованы и в других местах Северного Кавказа. Оно просуществовало с 1918 по 1925 г. За эти годы Общество проделало большую работу по собиранию и записи памятников фольклора на всех диалектах осетинского языка (Дзагуров 1973: 10).

После образования Северо-Осетинской автономной области в 1924-м г., по инициативе самого Г. А. Дзагурова на базе «Осетинского историко-филологического общества» был организован Северо-Осетинский научно-исследовательский институт краеведения (Хроника 1925: 458 = 2007: 191; см. также Дзагуров 1928а: 5 и 1928б: 438). Как писал сам Дзагуров,

¹⁵ Г. А. Дзагуров выступал с докладом о задачах советского краеведения на 2-й Краевой конференции по просвещению и культуре горских народностей, состоявшейся в Ростове на Дону в июне 1925-го года (Дзагуров 1926).

¹⁶ Об общей деятельности общества см. Цибиров (1989: 179–181) и Канукова (2007). Его устав, утвержденный 5 октября 1919-го года, воспроизведен факсимильно в юбилейном сборнике (Устав 2011: 96–101).

[с] 1925 г. по моей инициативе на базе Осетинского историко-филологического общества постановлением Президиума Северо-Осетинского облисполкома был организован Северо-Осетинский научно-исследовательский институт краеведения, который состоял из трех отделений: литературно-лингвистического, исторического и естественно-исторического. В задачи института входило всестороннее изучение осетин, как в прошлом, так и в настоящем (Дзагуров 1973: 11).

Это и подобные научно-исследовательские учреждения на Северном Кавказе занимались в основном вопросами «развития литературного языка и национальной письменности» (Яковлев 1934: 112).

3. О введении графики на латинской основе

3.1. По поводу вопроса об осетинской графике, среди членов историко-филологического общества произошел раскол между приверженцами латинизации осетинской письменности и хранителями кириллической традиции (Хроника 1925: 410 = 2007: 154). Победу одержала количественно преобладающая группа «латинизаторов»; принятый обществом проект претерпел существенные изменения, касающиеся в основном изображения гортанного взрыва при глоттализированных (абруптивных) согласных, который обозначался латинской буквой *h* вместо апострофа (Яковлев 1930: 32 и 52)¹⁷, как явствует из доклада Александра Тибилова «О графике» (Хроника 1925: 420 = 2007: 162; см. также Тедеев 1928: 104 и Гуриев 1987: 6). Как известно, главной особенностью латинских алфавитов для иронского и дигорского вариантов осетинского языка состоял именно в использовании разных комбинаций из двух букв для обозначения одной фонемы (Гранде 1933: 128 и 137). Применение двухбуквенного сочетания является продолжением старой графики на кириллической основе и в то же время образцом для комбинации согласной буквы

¹⁷ Обычно считается, что «К, П, Т осетинские, с крепким сухим отрезом, гораздо больше разнятся от русских К, П, Т, чем К, П, Т осетинские без этих отрезков, а потому первые нужно обозначить // каким-нибудь отличительным знаком от русско-осетинских К, П, Т, а последние оставить без изменения» (Гадиев & Дзагуров 1917/1993: 377–378).

с твердым знаком в современном варианте осетинского алфавита¹⁸.

Г. А. Дзагуров открыто выступал в защиту перехода осетинской графики на латинскую основу. В приложении к настоящей статье переиздается его малодоступная брошюра «Новая осетинская графика на латинской основе», в которой автор излагает аргументы, приведенные сторонниками и противниками графической реформы. В отчете Осетинского историко-филологического общества за 1923 год читаем следующую характеристику его работы:

Докладчик в письменном виде познакомил Правление со своей работой о новой осетинской графике, предназначенной для широкой публики и школьных работников. В работе дается краткая история вопроса с изложением доводов как сторонников латинской основы, так и противников ее; в конце приведены два примера (на иронском и дигорском наречиях) по старой и новой основе. Пособие правлением одобрено к напечатанию и оно было напечатано (Хроника 1925: 440 = 2007: 177; см. также Бесолова 2011: 76).

3.2. Одним из самых убежденных противников введения латинской графики являлся Борис Андреевич Алборов (1886–1968), автор ряда работ по осетинской письменности, который всю жизнь твердо стоял на защите русской графической основы (Туаева 2006: 8). При этом он выдвигал разного рода аргументы в пользу своего мнения:

- а) в русском языке больше звуков, чем в латинском;
- б) латинская графика не избавляет от необходимости в надстрочных и подстрочных знаках;
- в) следовало учитывать и чисто педагогические соображения, т. к. обучение на двух алфавитах (латинском и русском) было бы нежелательным (архивный материал ОРФ СОИГСИ ИФЭ, ф. 13, оп. 1, д. 1, с. 27, цит. по Гурьев 1987: 6).

Исходя из историко-культурных условий жизни осетин и учитывая важность русского языка, он неоднократно доказывал преимущество кириллицы:

¹⁸ Несколько противоречивым представляется нам высказывание о том, что изменения, предложенные Юго-Осетинским научным обществом 26-го марта 1922 г., среди которых находим двойные начертания с буквой *h*, были отклонены (Хроника 1925: 421 = 2007: 162; см. также Бесолова 2011: 74).

Из всех алфавитов, легших в основу осетинского, в целях практических, самый удобный – русский, как алфавит культурного народа, на языке и письменности которого воспитываются осетины в силу исторически сложившихся обстоятельств (Алборов 1929: 32; см. также Хачиров 1964: 79).

Показывая «научную прозорливость» (Хачиров 1964: 79) и одновременно разделяя с Кассандрой трагическую судьбу недоверия, он даже предвидел провал латинской графики:

Как научный работник, близко знакомый с вопросами эволюции не только осетинской графики, но вообще с эволюцией графики других народов, неоднократно [...] заявлял и теперь исповедую, что латинская графика [...] не имеет за собой будущего (Алборов 1929: 32; см. также Хачиров 1964: 79–80).

3.3. Интересно, что Б. А. Алборова, упорно защищавшего ориентацию на русскую культуру, тогда упрекали в «великодержавном шовинизме» (Алиев 1932: 14¹⁹; см. также Simonato-Kokochkina 2004: 267), тогда как позднее его живой интерес к деятельности национального поэта Темирболата Османовича Мамсурова (Алборов 1926), автора первых осетинских гражданских стихов (Гадиев 1926: 439, Исаев 1969: 118), послужил поводом для обвинения в местном национализме, приведя к депортации в Среднюю Азию (Цориева 2006: 131).

4. Заключение

Несмотря на явно идеологически обусловленные возражения в ее сторону (Бигулаев 1952: 50–51, Козырева 1957: 278, Зак & Исаев 1966: 11), латинизация осетинской письменности заслуживает большего внимания, чем до сих пор было ей уделено. Желательно было бы собрать воедино все материалы, разбросанные по зачастую недоступным изданиям и газетам, касающиеся этого кратковременного, но все-таки очень интенсивного и оживлен-

¹⁹ «Проф. Алборов этим своим выступлением призывает возвращаться к старой осетинской письменности на русской алфавитной основе, которая была создана русскими миссионерами для осетин до революции. Это выступление есть яркий образец великодержавного шовинизма в вопросах национальной культуры, национального языка и письменности».

ного этапа развития графической культуры осетинского народа. Публикуемый здесь текст представляет собой совсем скромное начало в этом многообещающем направлении.

К тому же, нельзя пренебрегать тем обстоятельством, что латинизация на Северном Кавказе была введена во время упразднения Горской Автономной Советской Социалистической Республики и следующего за ним образования отдельных автономных областей (об этом см. Wixman 1980: 138). Интересны, в этом отношении, слова Н. Ф. Яковлева о чеченском и ингушском алфавитах:

[...] чеченский и ингушский алфавиты по самой истории своего возникновения являлись в значительной степени алфавитами унифицированными. Ингушский алфавит возник впервые, как проект, еще в 1921-22 годах (проект З. Мальсагова) и до известной степени мы должны признать его прототипом латинских алфавитов осетин и кабардинцев, появившихся несколько позднее. Поэтому, как мы увидим ниже, целый ряд графических особенностей является общим для всех трех вышеперечисленных алфавитов, которые и представляли собою единую графическую группу ко времени унификации (Яковлев 1930: 31; см. также Хаджиев 1930: 7).

Какими бы ни были взаимоотношения между разными проектами латинизации, при подходе к этой немаловажной странице истории осетинского письма стоило бы учитывать и изучать в сравнительном плане все события и решения на уровне целостной административной территории, включавшей другие языки и народы Северо-Кавказского региона.

Литература

- АБАЕВ (1969) – Василий Иванович Абаев, *О развитии литературных языков иранских народов Советского Союза* // Николай Александрович Баскаков (отв. ред.), *Основные процессы внутривидового развития иранских и иберийско-кавказских языков* (Закономерности развития литературных языков народов СССР в советскую эпоху, под общей редакцией доктора филологических наук Ю. Д. Дешериева). Москва: Наука, 67–77.
- АЛБОРОВ (1926) – Борис Андреевич Алборов, *Первый осетинский поэт Темирболат Османович Мамсуров* (С приложением текстов стихотворений). «Известия Горского педагогического института» 3: 262–325 [Отдельный оттиск из Известий, Владикавказ: Ингушская государственная типография, 1–65].

- АЛБОРОВ (1929) – Борис Андреевич Алборов, *История осетинских письмен*. Владикавказ: Осетинская типо-фото-цинкография Издательства «Растдзинад».
- АЛИЕВ (1926) – Умар Алиев, *Борьба за создание национальных письмен на латинской основе на Северном Кавказе* // Он же, *Национальный вопрос и национальная культура в Северо-Кавказском крае (итоги и перспективы) к предстоящему съезду горских народов*. Ростов на Дону: Севкавказ и Крайнациздат, 73–90, <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/10929-aliev-u-natsionalnyy-vopros-i-natsionalnaya-kultura-v-severo-kavkazskom-krae-itogi-i-perspektivy-k-predstoyaschemu-s-ezdu-gorskih-narodov-rostov-n-d-1926#page/1/mode/grid/zoom/1> (18.03.2018).
- АЛИЕВ (1930) – Умар Алиев, *Победа латинизации – лучшая память о тов. Агамалы-Оглы. «Революция и национальности» 7: 17–28*, <http://crecleco.seriot.ch/textes/Aliev31.html> (16.08.2018).
- АЛИЕВ (1932) – Умар Алиев, *На страже генеральной линии партии на фронте латинизации. «Революция и письменность» 1–2 (11–12): 6–14*.
- АЛПАТОВ (1993) – Владимир Михайлович Алпатов, *Языковая политика в СССР в 20–30-е годы: утопии и реальность*. «Восток», 5: 113–127.
- АЛПАТОВ (2000) – Владимир Михайлович Алпатов, *150 языков и политика 1917–2000. Социолингвистические проблемы СССР и постсоветского пространства*. Москва: Крафт + ИВ РАН.
- АХВЛЕДИАНИ (1960) – Гиорги Сариданович Ахвледiani, *К истории осетинского языка. II. Иван Ялгузидзе и его переводы с грузинского на осетинский* // Он же, *Сборник избранных работ по осетинскому языку* (Труды кафедры общего языковедения 5), том 1. Тбилиси: Издательство Тбилисского государственного университета им. Сталина, 80–90 [первоначально опубликовано на немецком языке: Achwlediani 1926].
- БАЕВ (б. г./1993) – Георгий (Гаппо) Васильевич Баев, *Осетинская письменность* // КАЛИЕВ & ЧЕДЖЕЛОВ 1993: 175–182.
- БЕКОВ (1925) – Г. Г. Бекоев, *Возникновение Осетинской письменности и ее развитие (Краткий очерк)*. «Известия Осетинского научно-исследовательского института краеведения» 1: 13–27.
- БЕСОЛОВА (2011) – Елена Бутусовна Бесолова, *Отдел осетинского языкознания: истоки и современность* // *Осетиноведение – от прошлого к будущему. Материалы юбилейной научной конференции, посвященной 85-летию со дня основания института и 110-летию со дня рождения В. И. Абаева (2–3 декабря 2010 г.)*. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 73–84.
- БИГУЛАЕВ (1952) – Борис Борисович Бигулаев, *Краткая история осетинского письма*. Джауджикау: Государственное издательство Северо-Осетинской АССР.
- БОЦУАТЫ (2006) – Евген Евдокимы фырт Боцуаты, *Ирон фыссынад æмæ орфографийы историйæ цыбыр зонинагтæ* // Тамерлан Алыксандры фырт Гуыриаты (ред.), *Ирон ныхасы культурæ æмæ стилистикæ*, 3-аг чиныг. Дзæуджыхæу: Цæгат Ирыстон Абаиты Васойы номыл гуманитарон æмæ социалон иртасæнты институт, 156–176.

- БОЧОРИДЗЕ (1936) – Георгий Бочоридзе, Иоанн Ялгузидзе (*Материалы для биографии*). «Известия Юго-Осетинского научно-исследовательского института / Xus-sar Irystony zonad-irtasæg instituty uactæ», 3: 279–287.
- БУГАЙ (1989) – Николай Федорович Бугай, *Советы Северной Осетии в системе межнациональных отношений // Северная Осетия: история и современность / Цæгат Ирыстон: истори æмæ ныры дуг*, выпуск 1. Орджоникидзе: Северо-Осетинский научно-исследовательский институт истории, филологии и экономики при совете министров СО АССР, 47–77.
- ВАЛИЕВА (2014) – Татьяна Иосифовна Валиева, *Просветительская деятельность Ивана Ялгузидзе*. «Филологические науки. Вопросы теории и практики» 5 (35) 1: 45–47, http://scjournal.ru/articles/issn_1997-2911_2014_5-1_11.pdf (25.06.2018).
- ГАДИЕВ (1926) – Цомак Секаевич Гадиев, *Мамсуров Темирбулат – первый осетинский поэт (1845–1898)*. «Известия Осетинского научно-исследовательского института краеведения» 2: 439–444.
- ГАДИЕВ & ДЗАГУРОВ (1917/1993) – Михаил Юрьевич Гадиев, Григорий Алексеевич Дзагуров, *Материалы I Всеосетинского съезда в гор. Владикавказе (10–16 июля 1917 г.)*, перепечатано в кн.: КАЛИЕВ & ЧЕДЖЕЛОВ 1993, 367–392.
- ГАЛАЗОВ & ИСАЕВ (1987) – Ахсарбек Хаджимурзаевич Галазов, Магомет Измаилович Исаев, *Народы – братья, языки – братья (Русско-Осетинские лингво-культурные контакты)*. Орджоникидзе: Издательство «Ир».
- ГРАНДЕ (1932) – Бенцион Меерович Гранде, *Еще об унификации алфавитов (Взамен письма в редакцию)*. «Революция и письменность» 4–5 (14–15): 160–164.
- ГРАНДЕ (1933) – Бенцион Меерович Гранде, *Опыт классификации нового алфавита с точки зрения унификации // Джелал-Эд-Дин Асельдерович Коркмасов и др. (под ред.), Письменность и революция. Сборник 1 (К VI пленуму ВЦК НА)*. Москва-Ленинград: Издание ВЦК НА, 128–137, http://нэб.рф/catalog/000202_000006_RuPRLIB12055619/viewer/ (18.03.2018).
- ГУТКАЕВ (1955) – Дз. А. Гуткаев, *О жизни и деятельности Ивана Ялгузидзе*. «Известия Юго-Осетинского научно-исследовательского института» 7: 278–323.
- ГУТКАЕВ (1957) – Дз. А. Гуткаев, *Произведения Ивана Ялгузидзе*. «Известия Юго-Осетинского научно-исследовательского института» 8: 245–266.
- ГУРИЕВ (1987) – Тамерлан Александрович Гуриев, *Из истории осетинского языкознания // Проблемы осетинского языкознания / Ирон æвзагзонады фарстатæ*, выпуск 2. Орджоникидзе: Северо-Осетинский научно-исследовательский институт истории, филологии и экономики при Совете Министров СО АССР, 3–22.
- ДЕШЕРИЕВ (1958) – Юнус Дешериевич Дешериев, *Развитие младописьменных языков СССР*. Москва: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР.
- ДЕШЕРИЕВ (1959) – Юнус Дешериевич Дешериев, *Введение // Евгений Алексеевич Бокарев, Юнус Дешериевич Дешериев (под ред.), Младописьменные языки народов СССР*. Москва-Ленинград: Издательство Академии Наук СССР, 5–36.
- ДЕШЕРИЕВ (1969) – Юнус Дешериевич Дешериев, *Введение // Николай Александрович Баскаков (отв. ред.), Основные процессы внутривидового развития иранских и иберийско-кавказских языков (Закономерности развития литератур-*

- ных языков народов СССР в советскую эпоху, под общей редакцией доктора филологических наук Ю. Д. Дешериева). Москва: Наука, 9–64.
- ДЗАГУРОВ (1926) – Григорий Алексеевич Дзагуров, *Краеведение и его задачи среди горских народностей Северного Кавказа*. «Известия Осетинского научно-исследовательского института краеведения» 2: 5–15.
- ДЗАГУРОВ (1973) – Григорий Алексеевич Дзагуров, *Осетинские народные сказки* (Сказки и мифы народов Востока), запись текстов, перевод, предисловие и примечания Г. А. Дзагурова (Губади Дзагурты). Москва: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука».
- ДЗАГУРОВ (1928a) – Дмитрий Алексеевич Дзагуров, *Краеведение в Северной Осетии*. Владикавказ: Типо-фото-цинкография Из-ва „Растдзинад“.
- ДЗАГУРОВ (1928b) – Дмитрий Алексеевич Дзагуров, *Осетинский научно-исследовательский институт краеведения*. «Новый Восток» 23–24: 437–439.
- ДОНСКОЙ 1932 – Семён Николаевич Донской, *По этапам якутской письменности*. «Революция и письменность» 3 (13): 33–50, <http://ilin-yakutsk.narod.ru/1999-12/50-2.htm> (17.08.2018).
- ДУЛИЧЕНКО 2009 – Александр Дмитриевич Дуличенко, *Смена алфавитов и двуалфавитность в восточнославянских языках: из истории и практики* // Tilman Berger et al. (eds.), *Von grammatischen Kategorien und sprachlichen Weltbildern – Die Slavia von der Sprachgeschichte bis zur Politsprache. Festschrift für Daniel Weiss zum 60. Geburtstag* (Wiener Slawistischer Almanach, Sonderband 73). München–Wien: Otto Sagner, 121–136.
- ЗАК & ИСАЕВ (1966) – Людмила Марковна Зак, Магомет Измаилович Исаев, *Проблемы письменности народов СССР и культурной революции*. «Вопросы истории», 2: 3–20, http://istmat.info/files/uploads/42999/qh_1966-2_zak-l-m_isaev-m-i.pdf (22.03.2018).
- ИСАЕВ (1959) – Магомет Измаилович Исаев, *Осетинский язык* // Евгений Алексеевич Бокарев, Юнус Дешериевич Дешериев (ред.), *Младописьменные языки народов СССР*. Москва—Ленинград: Издательство Академии Наук СССР, 462–467.
- ИСАЕВ (1969) – Магомет Измаилович Исаев, *Осетинский язык (становление и развитие литературного языка)* // Николай Александрович Баскаков (отв. ред.), *Основные процессы внутривидового развития иранских и иберийско-кавказских языков* (Закономерности развития литературных языков народов СССР в советскую эпоху, под общей редакцией доктора филологических наук Ю. Д. Дешериева). Москва: Наука, 117–156.
- ИСАЕВ (1982) – Магомет Измаилович Исаев, *Социолингвистические проблемы языков народов СССР (Вопросы языковой политики и языкового строительства)*. Москва: «Высшая школа».
- ИСАЕВ (2000) – Магомет Измаилович Исаев, *Осетинский язык* // МакКоннелл и др. 2000: 353–369.
- ИСАЕВ (2002) – Магомет Измаилович Исаев, *Этнолингвистические проблемы в СССР и на постсоветском пространстве*. «Вопросы языкознания», 6: 101–117, http://issuesinlinguistics.ru/pubfiles/2002-6_101-117.pdf (31.05.2018).

- КАЛИЕВ & ЧЕДЖЕЛОВ (1993) – Эльбрус Каникоевич Калиев, Сергей Русланович Чеджемов (составители книги и авторы предисловия), *Антология педагогической мысли Северной Осетии*. Владикавказ: Ир.
- КАМБОЛОВ (2006) – Тамерлан Таймуразович Камболов, *Очерк истории осетинского языка*. Владикавказ: Ир.
- КАНУКОВА (2007) – Залина Владимировна Канукова, *Осетинское историко-филологическое общество*. «Известия СОИГСИ» 1 (40): 143–145, <http://izvestia-soigsi.ru/izvestia/2007/issue1/143-145%20Kanukova.pdf> (03.11.2017).
- К ВОПРОСУ (1888/1993) – В.-Н.-Л., *К вопросу о кавказских алфавитах*, «Северный Кавказ», № 52 (30.06.1888), № 53 (03.07.1888), перепечатано в: Калиев & Чеджемов 1993: 100–104.
- КОЗЫРЕВА (1957) – Тамара Заурбековна Козырева, *Некоторые вопросы развития осетинского языка за годы советской власти*. «Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института» 20: 275–285.
- КОЗЫРЕВА (1974) – Тамара Заурбековна Козырева, *Язык первой осетинской печатной книги*. Орджоникидзе: Ир.
- КССО (1974) – *Культурное строительство в Северной Осетии (1917–1941 гг.)*. Сборник документов и материалов, том 1. Орджоникидзе: Ир.
- ЛАСИН (1895) – Ласин, *Об осетинской письменности*. «Новое обозрение» № 3954 (04.07.1895): 1, http://dspace.nplg.gov.ge/bitstream/1234/41961/1/Novoe_Obozrenie_1895_N3954.pdf (05.03.2018).
- МАККОННЕЛЛ И ДР. (2000) – Грант Д. МакКоннелл, Вадим Михайлович Солнцев, Вида Юозовна Михальченко (под ред.), *Письменные языки мира. Языки Российской Федерации. Социолингвистическая энциклопедия, книга 1*. Москва: Институт языкознания РАН.
- МИКАЛА (1895) – Микала, *Еще об осетинском алфавите (Письмо в редакцию)*. «Новое обозрение» № 3963 (13.07.1895): 3, http://dspace.nplg.gov.ge/bitstream/1234/41950/1/Novoe_Obozrenie_1895_N3963.pdf (05.03.2018).
- МИКОЯН (1926) – Анастас Микоян, *Вместо предисловия – речь тов. А. Микояна // Умар Алиев, Национальный вопрос и национальная культура в Северо-Кавказском крае (итоги и перспективы) к предстоящему с'езду горских народов*. Ростов на Дону: Севкавказ и Крайнациздат, 3-17, <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/10929-aliev-unatsionalnyy-vopros-i-natsionalnaya-kultura-v-severo-kavkazskom-krae-itogi-i-perspektivy-k-predstoyaschemu-s-ezdu-gorskih-narodov-rostov-n-d-1926#page/1/mode/grid/zoom/1> (18.03.2018).
- МУГУЕВ (1936) – Хаджи-Мурат Мугуев, *Социалистическая Северная Осетия. «Революция и национальности»* 11 (81 – ноябрь): 47–51.
- МУСАЕВ (1965) – Кенесбай Мусаевич Мусаев, *Алфавиты языков народов СССР*. Москва: Наука.
- МУСАЕВ (1975) – Кенесбай Мусаевич Мусаев, *Из опыта создания письменностей для языков народов Советского Союза // Социолингвистические проблемы развивающихся стран*. Москва: Наука, 243–259.
- НАВШИРВАНОВ (1924) – Зинатулла Навширванов, *Почему мы стремимся перейти к латинскому алфавиту*. «Жизнь национальностей» 1, 6: 41–44.

- ОП (1993) – *Осетинская письменность*, машинописный текст, хранящийся в ОРФСОНИИ ИФЭ ф. Г. В. Баева, оп. 1., д. 20, лл. 1–6об (без даты), перепечатано в Калиев & Чеджемов 1993: 175–182.
- Орлицкий (1934) – Д. Орлицкий, *Национал-демократизм в вопросах языка и письменности*. «Большевик» 11, 6 (31 марта): 81–96.
- ПВТС (1926) – *Первый всесоюзный тюркологический съезд 26 февраля – 5 марта 1926 г. (Стенографический отчет)*. Баку – АССР [репринтное воспроизведение Баку: Нагыл Еви, 2011].
- ПОЛИВАНОВ (1928) – Евгений Дмитриевич Поливанов, *Основные формы графической революции в турецких письменностях СССР*. «Новый Восток» 23–24: 314–330.
- ПП (1982) – *Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах. Научно-популярный сборник, книга 2, составление, предисловие, примечания и комментарии доктора исторических наук, профессора Людвиг Алексеевича Чибирова*. Цхинвали: «Ирыстон».
- СЕРДЮЧЕНКО (1933) – Георгий Петрович Сердюченко, *Отзыв о книге Хансуваров 1932 // Джелал-Эд-Дин Асельдерович Коркмасов и др. (ред.), Письменность и революция. Сборник 1 (К VI пленуму ВЦК НА)*. Москва-Ленинград: Издание ВЦК НА, 211–213, http://нэб.рф/catalog/000202_000006_RuPRLIB12055619/viewer/?page=130 (30.05.2018).
- СОЛНЦЕВ & МИХАЛЬЧЕНКО (2000) – Вадим Михайлович Солнцев, Вида Юозовна Михальченко, «Введение» // МакКоннелл и др. 2000: ix–iv.
- СТАЛИН (1947) – Иосиф Виссарионович Сталин, *Выступления на Съезде народов Терской области 17 ноября 1920 г. // Он же, Сочинения, том 4*. Москва: ОГИЗ, Государственное издательство политической литературы, 399–407, http://grachev62.narod.ru/stalin/t4/t4_86.htm#r1 (22.03.2018).
- ТАКОЕВА (1936) – Н. Такоева, *Миссионерство в системе колониальной политики царизма на севере Кавказа*. «Революционный Восток» 2–3 (36–37): 48–75.
- ТЕДЕЕВ (1928) – П. Тедеев, *Новый алфавит в Осетии*. «Культура и письменность Востока. Сборник Всесоюзного Центрального Комитета Нового Тюркского Алфавита» 1: 101–107.
- ТЕДЕЕВА (1965) – ოლღა თედეევა, *ოთხე იაღღუზიძე*, «მნათობი» 42, 12: 174, http://dspace.nplg.gov.ge/bitstream/1234/19001/1/Mnatobi_1965_N12.pdf (24.06.2018). [Иван Ялгузидзе]
- ТЕДЕЕВА (1985) – ოლღა თედეევა, *პირველი ოსური ხელნაწერების ენა*. თბილისი: მეცნიერება. [Язык первых осетинских рукописей]
- ТОМЕЛЛЕРИ (2015) – Витторио Спрингфилд Томеллери, *Борьба кириллицы и латиницы на Северном Кавказе // Языковой контакт. Сборник научных статей*. Минск: РИВШ, 160–171, <http://elib.bsu.by/bitstream/123456789/113600/1/Tomelleri.pdf> (31.05.2018).
- ТОМЕЛЛЕРИ (2017) – Витторио Спрингфилд Томеллери, *Абхазский аналитический алфавит академика Н. Я. Марра. Эволюция, революция и языковое строительство*. «Revue des Études Slaves» 88, 1–2: 69–95.

- ТОТОВЕ (1957) – Михаил Сосланбекович Тотоев, *История зарождения осетинской письменности в XVIII в.* «Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института» 19: 135–146.
- ТОТОВЕ (1962) – Михаил Сосланбекович Тотоев, *Народное образование и педагогическая мысль в дореволюционной Северной Осетии*. Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное издательство.
- ТУАЕВА (2006) – Лариса Ахсарбековна Туаева, *Педагогическая, научно-исследовательская и просветительская деятельность Б. А. Алборова* // Б. А. Алборов и проблемы кавказоведения. Материалы региональной научной конференции, посвященной 120-летию со дня рождения Б. А. Алборова, часть 2. Владикавказ: Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В. И. Абаева, 7–11.
- УСТАВ (2011) – *Устав Осетинского историко-филологического общества* // Осетиноведение – от прошлого к будущему. Материалы юбилейной научной конференции, посвященной 85-летию со дня основания института и 110-летию со дня рождения В. И. Абаева (2–3 декабря 2010 г.). Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 94–101.
- ХАДЖИЕВ (1930) – А. Хаджиев, *Латинизация и унификация горских алфавитов на Северном Кавказе* // *Культура и письменность горских народов Северного Кавказа (Сборник статей)*. Владикавказ: Издание Крайкома НА и Крайнациздата по заказу ВЦК НА, 5–20.
- ХАНСУВАРОВ (1932) – И. Хансуваров, *Латинизация – орудие ленинской национальной политики*. Москва: Партийное издательство.
- ХАЧИРОВ (1964) – Анзор Кансаович Хачиров, *О формировании осетинской интеллигенции*. Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное издательство.
- ХРОНИКА (1925) – *Отчеты о деятельности осетинского историко-филологического общества за все время его существования (28 апр. 1919 – I мар. 1925 г.)*. «Известия Осетинского научно-исследовательского института краеведения», под редакцией Б. А. Алборова, Г. Г. Бекоева, Гр. А. Дзагурова и Д. А. Дзагурова, 1: 400–459 [репринт 2007, «Известия СОИГСИ» 1 (40): 143–192, <http://www.izvestia-soigsi.ru/en/archive-of-issues/iss/39-article15> (05.03.2018)].
- ЦАГОЛОВ (1915/1993) – Георгий Цаголов, *Осетинская письменность (Историческая справка)* // «Терские ведомости» № 240 (08.11.1915), № 255 (28.11.1915), перепечатано в: Калиев & Чеджемов 1993: 224–240.
- ЦИБИРОВ (1989) – Герлик Иласович Цибиров, *Развитие науки и научных учреждений в Северной Осетии в переходный период (1917–1937 гг.)* // *Северная Осетия: история и современность / Цагат Ирыстон: истори æмæ ныры дуг*, выпуск 1. Орджоникидзе: Северо-Осетинский научно-исследовательский институт истории, филологии и экономики при совете министров СО АССР, 174–187.
- ЦОРИЕВА (2006) – Инга Тотразовна Цориева, *Культурная политика и гуманитарные науки в Северной Осетии в середине 1940-х–середине 1950-х гг.* // Б. А. Алборов и проблемы кавказоведения. Материалы региональной научной конференции, посвященной 120-летию со дня рождения Б. А. Алборова, часть 2. Владикавказ: Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В. И. Абаева, 125–135.
- ЧИБИРОВ (2016) – Людвиг Алексеевич Чибиров, *Всеволод Миллер и становление письменности у осетин* // V Всероссийские Миллеровские чтения. Материалы науч-

- ной конференции 20-22 октября 2016 г. Владикавказ: СОИГСИ ВНИЦ РАН, 391–402, http://soigsi.com/books/b17/v_vesrossiskie_millerovskie_chtenia.pdf (12.08.2018).
- ШАНИДЗЕ (1964) – აკაკი შანიძე, *ერთი ფურცელი ქართველთა და ოსთა კულტურული ურთიერთობის ისტორიიდან (ქართულ-ოსური წიგნი 1823 წლისა)* / Страница из истории грузино-осетинских культурных отношений (Грузинско-осетинская книга 1823 года), «მაცნე, საქართველოს სსრ მეცნიერებათა აკადემიის საზოგადოებრივ მეცნიერებათა განყოფილების ორგანო» / «Мацне (Вестник), Орган отделения общественных наук Академии Наук Грузинской ССР», 1, 16: 170–175, <http://dspace.nplg.gov.ge/handle/1234/162895> (17.08.2018).
- ШЕГРЕН (1844) – Андрей Михайлович Шегрен, *Осетинская грамматика с кратким словарем осетинско-российским и российско-осетинским*. Санкт-Петербург: В Типографии Императорской Академии Наук, 1844, <http://reader.digitale-sammlungen.de/resolve/display/bsb10810863.html> (22.03.2018) [Репринтное воспроизведение под редакцией Магомета Измаиловича Исаева. Москва: ИМЛИ РАН, 2010].
- ШЕЛЕСТЮК (2014) – Елена Владимировна Шелестюк, *Национальная и языковая политика в истории России 7 / National and language policies in history of Russia* // Лилия Климентовна Раицкая и др. (отв. ред.), *Язык и коммуникация в современном поликультурном социуме. Сборник научных трудов*. Москва: ТрансАрт, 204–273.
- ЯКОВЛЕВ (1926а) – Николай Феофанович Яковлев, *Вопросы алфавита в связи с социальными и культурными условиями существования тюркских национальностей и проблема установления системы письма* // ПВТС: 216–227, <http://crecleco.seriot.ch/textes/Jakovlev26.html> (17.03.2018).
- ЯКОВЛЕВ (1926б) – Николай Феофанович Яковлев, *Современное положение и перспективы проблем языковых культур кавказских народов (Тезисы к докладу профессора Н. Ф. Яковлева)* // Стенографический отчет II-ой краевой конференции по вопросам культуры и просвещения горских народов сев.-кав. края (от 16 по 23 июня 1925 г.). Ростов на Дону: Издание КрайОНО, 21–29, <http://www.alexanderyakovlev.org/almanah/inside/almanah-doc/70592> (21.03.2018).
- ЯКОВЛЕВ (1930) – Николай Феофанович Яковлев, *Унификация алфавитов для горских языков Северного Кавказа* // *Культура и письменность горских народов Северного Кавказа (Сборник статей)*. Владикавказ: Издание Крайкома НА и Крайнациздата по заказу ВЦК НА, 21–59.
- ЯКОВЛЕВ (1932) – Николай Феофанович Яковлев, *Некоторые итоги латинизации и унификации алфавитов в СССР. «Революция и письменность»* 4–5 (14–15): 25–46, <http://crecleco.seriot.ch/textes/Jakovlev32.html> (17.03.2018).
- ЯКОВЛЕВ (1934) – Николай Феофанович Яковлев, *Итоги латинизации алфавита на Северном Кавказе и в Дагестане* // Ныгмет Нурмакович Нурмаков (под общей ред.), *Алфавит октября. Итоги введения нового алфавита среди народов РСФСР. Сборник статей*. Москва—Ленинград: Центральный Комитет Нового Алфавита при Президиуме ВЦИК, 103–118, <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/21712-alfavit-oktyabrya-itogi-vvedeniya-novogo-alfavita-sredi-narodov-rsfsr-sbornik-statey-m-l-1934#page/121/mode/flip-book/zoom/3> (18.03.2018).

- ЯКОВЛЕВ (1936) – Николай Феофанович Яковлев, *О развитии и очередных проблемах латинизации алфавитов*. «Революция и письменность» 2: 25–38, <http://crecleco.seriot.ch/textes/Jakovlev36.html> (17.03.2018).
- ЯПН (1933) – Константин Александрович Алавердов, Семен Маркович Диманштейн, Джелал-Эд-Дин Асельдерович Коркмасов, Антонина Ивановна Нухрат (под ред.), *Язык и письменность народов СССР. Стенографический отчет I всеобщего пленума научного совета ВЦК НА, 15–19 февраля 1933 г.* Москва: Издание ВЦК НА при Президиуме Совета Национальностей Союза ССР.
- ACHWLEDIANI (1926) – Giorgi Achwlediani, *Zur Geschichte des Ossetischen. II. Johannes Jalgusidse und seine in ossetischer Sprache geschriebenen Werke*. «*ტფილისის უნივერსიტეტის ბოლშე* / Bulletin de l'Université de Tiflis» 6: 339–346.
- ADLER (1980) – Max K. Adler, *Marxist linguistic theory and communist practice. A socio-linguistic study*. Hamburg: Buske.
- ÆLBORTY (1929) – Boris Ælborty, *Iron fysty damyhætæ* (Осетинские знаки письма). Dzæudžyqæu: Irystony baestaezynaen, axuyr aemae irtasaeg institut.
- BALDAUF (1993) – Ingeborg Baldauf, *Schriftreform und Schriftwechsel bei den muslimischen Russland- und Sowjettürken (1850–1937): Ein Symptom ideengeschichtlicher und kulturpolitischer Entwicklungen* (Bibliotheca orientalis hungarica 40). Budapest: Akadémiai Kiadó.
- BRUCHE-SCHULZ (1984) – Gisela Bruche-Schulz, *Russische Sprachwissenschaft. Wissenschaft im historisch-politischen Prozeß des vorsowjetischen und sowjetischen Rußland* (Linguistische Arbeiten 151). Tübingen: Niemeyer.
- BRUCHIS (1982) – Michael Bruchis, *One step back, two steps forward: on the language policy of the communist party of the Soviet Union in the national republics* (East European Monographs 109). New York: Columbia University Press.
- CARRÈRE D'ENCAUSSE (1978) – Hélène Carrère d'Encausse, *L'empire éclaté. La révolte des nations en U.R.S.S.* [Paris:] Flammarion.
- GRENOBLE (2003) – Leonore A. Grenoble, *Language policy in the Soviet Union* (Language Policy 3). Dordrecht—Boston—London: Kluwer.
- HEWITT (2004) – George Hewitt, *Introduction to the study of the languages of the Caucasus*. München: Lincom Europa.
- IMART (1965) – Guy Imart, *Le mouvement de «latinisation» en URSS*, «Cahiers du monde russe» 6, 2: 223–239, http://www.persee.fr/doc/cmr_0008-0160_1965_num_6_2_1619 (09.03.2018).
- KOLARZ (1952) – Walter Kolarz, *Russia and her colonies*. New York: George Philip and Son.
- MARTIN (1998) – Terry Martin, *The russification of the RSFSR*. «Cahiers du monde russe» 39, 1–2: 99–117, http://www.persee.fr/doc/cmr_1252-6576_1998_num_39_1_2515 (10-03-2018).
- MARTIN (2001) – Terry Martin, *The affirmative action empire. Nations and nationalism in the Soviet Union, 1923–1939*. Ithaca—London: Cornell University Press.

- MENZEL (1927) – Theodor Menzel, *Der 1. Turkologische Kongreß in Baku* (26. II. bis 6. III. 1926). «Der Islam. Zeitschrift für Geschichte und Kultur des islamischen Orients» 16: 1–76; 169–228.
- MOUSKHÉLY (1957) – Michel Mouskhély, *Les nationalités et la linguistique en U.R.S.S.* «Bedi Kartlisa» 26–27, N. S.: 83–85.
- SIMONATO-KOKOCHKINA (2004) – Elena Simonato-Kokochkina, *Alphabet «chauvin» ou alphabet «nationaliste»? In: Patrick Sériot & Andrée Tabouret-Keller (eds.), Le discours sur la langue sous les régimes autoritaires* (Cahiers de l'LSL 17). Lausanne: Institut de Linguistique et des Sciences du Langage de l'Université de Lausanne, 261–275, https://serval.unil.ch/resource/serval:BIB_B3B5C4C25167.P001/REF.pdf (11.03.2018).
- ŞIŞCANU (2011) – Ion Şişcanu, *Latinisation in the Soviet Union: meanings, finalities, actions (1918–1940)*. «The Annals of the Lower Danube University of Galaţi, History» 10: 101–112, <http://www.fift.ugal.ro/revistadeistorie/anale/10/1007%20SISCANU.pdf> (09.03.2018).
- SJÖGREN (1844) – Anders Johan Sjögren, *Ирон æвзагæхъу да ист оссетисче Sprachlehre, nebst kurzem ossetisch-deutschen und deutsch-ossetischen Wörterbuche*. St. Petersburg: Kaiserliche Akademie der Wissenschaften.
- SMITH (1999) – Michael G. Smith, *Language and power in the creation of the USSR, 1917–1953* (Contributions to the sociology of language 80). Berlin—New York: Mouton de Gruyter.
- TOMELLERI (2015) – Vittorio Springfield Tomelleri, *Die kyrillische Schrift als Symbol kultureller Zugehörigkeit und Orientierung*. In: Vittorio Springfield Tomelleri & Sebastian Kempgen (eds.), *Slavic alphabets in contact* (BABEL 7). Bamberg: Bamberg University Press, 221–262, <urn:nbn:de:bvb:473-opus4-261355>.
- TOMELLERI (2016a) – Vittorio Springfield Tomelleri, *Die Latinisierung der ossetischen Schrift. Sprachliche und kulturelle Implikationen im sowjetischen Diskurs (Gedanken zu einem Forschungsprojekt)*. In: Paola Cotticelli-Kurras & Alfredo Rizza (eds.), *Variation within and among writing systems. Concepts and methods in the analysis of ancient written documents*. Wiesbaden: Reichert, 303–331.
- TOMELLERI (2016b) – Vittorio Springfield Tomelleri, *Das abchasische analytische Alphabet. Einige linguistische und historisch-philologische Überlegungen*. «Rivista italiana di linguistica e dialettologia» 18: 115–173.
- WEINREICH (1953) – Uriel Weinreich, *The Russification of Soviet Minority Languages*. «Problems of Communism» 2, 6: 46–57.
- WINNER (1952) – Thomas G. Winner, *Problems of alphabetic reform among the Turkic peoples of Soviet Central Asia, 1920–41*. «The Slavonic and East European Review» 31, 76: 133–147.
- WIXMAN (1980) – Ronald Wixman, *Language aspects of ethnic patterns and processes in the North Caucasus* (The University of Chicago Department of Geography Research Paper 191). Chicago, Illinois.

Приложение

**Переиздание текста Г. А. Дзагурова
«Новая осетинская графика на латинской основе»,
Владикавказ: Типография Наркомпроса Горреспублики, 1923.**

Старая осетинская графика (на русской основе) была выработана академиком Шегренем и преследовала на ряду с научными целями и задачами и цели практические. Она была настолько несовершенна, что через некоторое время другой академик Вс. Ф. Миллер внес в нее, с целью усовершенствования и придания ей некоторой красоты, большие изменения, но основа осталась та же. Осетин, которым приходилось заниматься родным языком и литературой, давно перестала удовлетворять это неуклюжая графика, а потому был поднят вопрос о переходе на латинскую основу, которая объединяет наиболее передовых представителей человечества. За практическое осуществление этой идеи принялось Осетинское Историко-Филологическое Общество, которое посвятило рассмотрению и разрешению этого вопроса целый ряд заседаний как Правления, так и общих собраний. Для того, чтобы вопрос был ясен для каждого, интересующегося родным языком и литерату//рой (стр. 2), и в первую очередь школьным работникам, которым придется практически проводить ее в жизнь, необходимо остановиться на доводах как сторонников латинской основы, так и русской основы. Сторонники русской основы выставляли следующие довод[ы], которые по их мнению говорят за то, чтобы сохранить русскую графику:

- 1) в русском языке имеется больше звуков, и ими легче выразить звуки осетинского языка;
- 2) введением латинской графики мы не избавляемся от подстрочных и надстрочных знаков;
- 3) против введения латинской графики говорят и соображения педагогического характера, а именно: русские отказались от введения латинской графики, а потому осетинам, находящимся в сфере влияния русской культуры, так как в таком случае детям труднее будет переходить с осетинского языка к русскому;
- 4) неизвестно, как этот вопрос разрешится у других горцев;
- 5) принятие латинской графики не означает собой приближения осетин к западно-европейской культуре.

Сторонники латинской основы, в свою очередь, выставляли следующие (стр. 3) доводы, говорящие за необходимость введения латинской графики:

1) латинскую графику необходимо по мотивам неизбежности, так как к этому, во-первых, идет все человечество, а во-вторых, к этому же придем рано или поздно и мы;

2) положение осетин в этом вопросе нельзя сравнивать с положением русских, так как нет худа без добра—наша литература не так богата, как русская;

3) раз введение латинской графики неизбежно, то чем скорее это будет сделано, то тем лучше;

4) осетины политически связаны с русской культурой, но принятие латинской основы отнюдь не означает отказа от русской культуры;

5) необходимо мириться с тем, что развитие осетинской литературы на первых порах при переходе на новую основу, может затормозиться, но зато дальше оно пойдет быстрым темпом;

6) если при переходе на латинскую основу не окажется читателей, как уверяют противники латинской основы, то тоже самое можно сказать и относительно данного момента, когда осетины отказываются или не умеют читать в виду неуклюжести осетинской графики на русской основе; (стр. 4)

7) равнение всегда и всюду держать не по худшим, а по лучшим образцам;

8) латинская графика совершеннее и красивее русской;

9) принятие латинской графики не избавляет нас от надстрочных знаков, но с этим не следует считаться, так как в мире нет ни одного языка, который бы не воспользовался какими-нибудь вспомогательными знаками;

10) не выдерживает никакой научной критики то положение, будто бы звуки русского языка ближе по своей природе к звукам осетинского языка, чем звуки латинского языка к осетинским;

11) принятие латинской графики сближает нас с Западной Европой и объединяет с теми горцами, которые нас окружают и с которыми наша жизнь тесно связана;

После долгих обсуждений вопроса в Осетинском Историко-Филологическом Обществе вопрос переносится в Наркомпрос ГССР, Горцик и Горский Областной Комитет РКП и таким обра-

зом из чисто осетинского вопроса он превращен в общегорский.
(стр. 5)

Окончательно установленной для осетин считается следующая графика:

Старое начертание	Новое начертание	Старое начертание	Новое начертание
-------------------	------------------	-------------------	------------------

А а	А а	Р р	Р р
Æ æ	Æ æ	С с	С с
Е е	Е е	Т т	Т т
І і	І і	Ф ф	Ф ф
У у	У у	Х х	Х х
О о	О о	З з	З з
У у	U u	Q q	Q q
Ј ј	Ј ј	Б б	Н н
Ў ў	W w	Ш ш	Š š
Б б	В в	Ж ж	Ž ž
В в	V v	Д д	Dz dz
Г г	G g	Дж дж	Dž dž
Д д	D d	Б б	Kh kh
К к	K k	П п	Ph ph
Л л	L l	Т т	Th th
М м	M m	Ц ц	C c
Н н	N n	Ѓ ǣ	Ch ch
П п	P p	Ч ч	Č č
		Ї ї	Ĉ ĉh
		Б б	Ĥ ĥ

Для сравнения ниже приводится один и тот же текст, напечатанный старой и новой графикой.

(стр. 7)

а) Иронский диалект

Зонун.

Зонун,—æфсæрмæј кæудзустут,
Бавæрдзустут мун мæ мард;
Рухсаг у, рухсаг,—зæудзустут,—
Ніцæмæн ʒал уд дæ цард!
Зонун,—æргæвдзустут исту,—
Мардæн хæрнæг кæну ном.
Алчи æфсæстæј мæ хисту
Ссардæн араqqæј мæ ном.
Iʒ bon ædʒæd u mʊsnæn,
Iʒ bon kændzʊstut mæ dʒʊrd;
Uj fæstæ ferox ʒʊdnæn,—
Niči ʒal zondæn mæ dʒʊrt.

Ж о с т а.

Zonyn.

Zonyn,—æfsærmæj kæwdzʊstut,
Baværdzʊstut myn mæ mard;
Ruxsag u, ruxsag,—zæhdzʊstut,—
Nicæmæn wal ud dæ card!
Zonyn,—ærgævddzʊstut isty,—
Mardæn xærnæg kænny nom.
Alči æfsæstæj mæ xisty
Ssardzæn araqqæj mæ nom.
Iw bon æhhæd u mysynæn,
Iw bon kændzʊstut mæ dzyrd;
Uj fæstæ ferox udzynæn,—
Niči wal zondzæn mæ cyrt.
Khosta.

(стр. 8)

б) Дигорский диалект

Kizgajti kizgaj zar.

Kizgajti kizgaj, bereti ʒarzon,
Saʒ xonxi dæboduraʒ fætæn tærnix,
ʒaj, kizgaj, dæ ragison xʒarz!
ʒors xonxi siʒsaʒ ʒælæt ærfʊg,
ʒaj, kizgaj, bereti ʒarzon,
ʒaj, kizgaj, dæ ragison-xʒarz!
Tægæri sagaʒ bærzond kæsagæ,
Čeli arsaʒ darʒ nixagin.
ʒaj, kizgaj, dæ ragison xʒarz?
Saʒʒæddon ræʒsaʒ izust cæʒagæ,
Fæzzigon robasaʒ ædzinæg kæsagæ,
ʒaj, kizgaj, dæ ragison xʒarz!
Aræqi hæʒanzaw astæʒ naræg,
Terki babuzaw sergæ dæʒagæ,
ʒaj, kizgaj, dæ ragison xʒarz!
Dengizi qazaʒ ʒors dællaqur,
Zærbatugi bazurtaʒ æ duʒæ bili,
ʒaj, kizgaj, dæ ragison xʒarz!
Isthaluj xuzæn æ duʒæ cæsti,
ʒaj, kizgaj, bereti ʒarzon,
ʒaj, kizgaj, dæ ragison xʒarz!

Kizgajti kizgaj zar.

Kizgajti kizgaj, bereti warzon,
Saw xonxi dæboduraw fætæn tærnix,
Waj, kizgaj, dæ ragison xwarz!
Wors xonxi sikheaw khælæt ærfug,
(стр. 9) Waj, kizgaj, bereti warzon,
Waj, kizgaj, dæ ragison xwarz!
Tægæri sagaw bærzond kæsagæ,
Čeli arsaʒ darh nixagin,
Waj, kizgaj, dæ ragison xwarz!
Sawhæddon ræwesau izust cæwagæ,
Fæzzigon robasaw ædzinæg kæsagæ,
Waj, kizgaj, dæ ragison xwarz!
Aræqi hæwanzaw astæw naræg,
Terki babuzaw sergæ dzæwagæ,
Waj, kizgaj, dæ ragison xwarz!
Dengizi qazaw wors dællaqur,
Zærbatugi bazwrtaw æ duwæ bili,
Waj, kizgaj, dæ ragison xwarz!
Isthaluj xuzæn æ duwæ cæsti,
Waj, kizgaj, bereti warzon,
Waj, kizgaj, dæ ragison xwarz!